

Нрав болгар и его изменение во время Балканских войн глазами русских

Аннотация. Русское общество уделяло большое внимание Балканским войнам 1912–1913 гг., в частности Болгарии. На полуостров отправлялись сотрудники периодических изданий. Многие из них ранее не бывали на Балканах и не знали характера живущих там народов. В силу этого они были свободны от клише и непредвзято могли оценить болгарский нрав. Корреспонденты описывали его как миролюбивый, трудолюбивый и хозяйственный, что отмечали и посещавшие полуостров раньше. Но на войне хозяйственность иногда принимала довольно несимпатичные формы. Наряду с этим очевидцы увидели проявившуюся воинственность, желание сражаться с противником во что бы то ни стало, жестокость по отношению к врагу. Анализируя эти факты, корреспонденты определяли две причины. Первая – месть туркам за вековое угнетение и притеснения. Вторая – стремление к реализации национального идеала – Сан-Стефанской Болгарии. В то же время нельзя утверждать, что эти чувства не подогревались властями. Успешность проводившейся официальной пропаганды исторических мифов подтверждает укорененность в сознании болгар Сан-Стефанской Болгарии, Македонии как символов, способных подвергнуть общество метаморфозам, выбить его из мирной колеи.

Ключевые слова: отношение к противнику, имагология, Болгария, Балканские войны, русские корреспонденты, нрав, Сан-Стефанская Болгария, Македония, болгары, человек на войне.

Annotation. The Russian society focused a lot of its attention on the Balkan wars of 1912–1913, and on Bulgaria in particular. Correspondents of periodicals went to the peninsula. Many of them had never been to the Balkans and did not know the character of the population living there, thereby were free from the clichés concerning them and could evaluate the Bulgarian mores without bias. These correspondents described the Bulgarian character as peace-loving, hard-working and household-oriented, which was also noted by those visiting the country earlier. But in wartime this household-orientation sometimes took up rather unsympathetic forms. Along with this, witnesses saw a manifestation of bellicosity, the wish to fight their adversaries at all costs, and cruelty towards the enemy. Analysing these facts, reporters defined two sources for them. The first – to revenge the Turks for their century-old subjugation and oppression. The second – to attain the national ideal, the San Stefano Bulgaria. At the same time, it is impossible to affirm that these sentiments were not intensified by the government. The success of the official propaganda of historic myths confirms that in the minds of the Bulgarians the image of a San Stefano Bulgaria and Macedonia was deeply rooted. These were the symbols capable of exposing the Bulgarian society to changes and to dislodge it from its peaceful routine.

Key words: attitude towards the enemy, imagology, Bulgaria, Balkan wars, Russian correspondents, mores, San Stefano Bulgaria, Macedonia, Bulgarians, people at war.

Осенью 1912 г. на Балканском полуострове разразилась война. Связанные системой двусторонних договоров Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи. Постулировался ее справедливый характер, в качестве цели декларировалось улучшение положения македонских христиан. В реальности страны Балканского союза стремились к территориальным приращениям, разделу европейских владений Турции.

Русское общество проявило значительный интерес к «последнему акту вековой борьбы» [25, 156] и прежде всего к Болгарии. На полуостров отправились корреспонденты перио-

дических изданий. Кто-то из них был довольно известным и частым гостем на Балканах, как писатель и журналист Вас. И. Немирович-Данченко, кто-то, как профессор А. А. Пиленко, оказался там впервые. Их восприятие происшедшего ценно для исследователя, поскольку, во-первых, оно оказывало влияние на формирование русского общественного мнения, а во-вторых, глаз внешнего, стороннего наблюдателя мог подметить невидимые для самих болгар черты их характера, их жизни. Глядя через призму имеющихся стереотипов, представлений «о себе», журналисты выделяли культурные отличия, из которых в их понимании и складывался болгарин.

Согласно Дж. Леерсену выделение культурных различий находится в связи с идеей о наличии у народов своих особых характеров [33]. Российский историк М. В. Лескинен указывает, что во второй половине XIX в. (а 1912–1913 гг. – часть «длинного» XIX века) «идея “врожденности” нрава и его генетической обусловленности обосновывали “нрав народа” в качестве этномаркирующего признака, общего для всех членов этнического коллектива» [17, 29].

Каким же представлялся этот нрав?

Характерной чертой болгар русским виделось миролюбие. В вышедшей в Ярославле уже в начале Первой мировой войны брошюре утверждалось: «С внешней стороны болгарин производит впечатление человека спокойного, но при более близком знакомстве легко заметить, что под этим покровом таятся страстный темперамент и вспыльчивый характер. Болгары в высшей степени трудолюбивы и в противоположность братьям-черногорцам – миролюбивы. Из всех славянских народов болгары – самый тихий, мирный и трудолюбивый народ» [16, 5–6]. Писатель Е. Н. Чириков считал, что болгары «энергичны, настойчивы, с непочатым запасом волевой энергии. Во многом напоминают наших финляндцев, только темпераментнее их и жизнерадостнее» [30, 53]. Ему же один из воинов говорил: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен. <...> Он – сын земли по преимуществу и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша Церковь играла всегда большую роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную. <...> Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много» [30, 78–79].

Трудолюбие отмечалось путешественниками и десятилетиями ранее. Генерал Н. Р. Овсяный, прекрасно знавший регион, писал: «Что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливости, серб много уступает своему соседу, болгарину». Некоторые сербы тоже отдавали себе в этом отчет, оказываясь в Болгарии. «Народ трудолюбив, повсюду видны обработанные и полные плодов нивы, на которых в разгар страды старательно копошатся сельяки», – записал в дневнике по пути из Белграда в Константинополь сербский журналист П. Тодорович в 1894 г. [6, 125].

Бережливое отношение и деловитость находили свое выражение и на войне. Одному оставшемуся раненым на поле боя болгарину турки отрезали ухо, ударили кинжалом в бедро.

Тот, притворившись мертвым, позже вернулся и как рачительный хозяин принес шинель обратно [23, 39]. Сопровождавший русского корреспондента возница рассказал ему еще одну показательную историю: «Проезжавший крестьянин поднял гранату и, прельстясь медной гильзой ее, стал освобождать ее от ядра. Делал он это самым простым способом: об дерево... Последовал взрыв, и крестьянина убило на месте» [30, 101]. Даже в момент проявления патриотизма, благодарности к России не упускалась из виду личная выгода. А. А. Пиленко рассказывал об оказанном ему теплом приеме: «Все от чистого сердца. <...> Денег не берут. Вернее: хозяин дома не берет и очень обижается, если предложишь. Но его жена после этого берет» [23, 48].

Хозяйственность проявлялась во время войны и в довольно аморальной форме – мародерстве. Раненые рассказывали Л. Д. Троцкому: «Иные санитары, вместо того чтобы идти к раненым, обшаривают убитых. Прямо мерзость» [27, 202]. Санитары во время боя находились вдали от событий и по окончании сражения они, не откликаясь на мольбы о помощи, снимали с мертвых сапоги, выворачивали карманы. Один солдат в софийской больнице рассказал журналистам, как хорошо знакомый ему санитар из одного с ним села рванул на нем, лежащем на поле боя, куртку и стал шарить на груди и в карманах. Раненый застал. «Я думал, мертвый», – пробормotal мародер и бросился дальше [27, 63]. Вас. И. Немировичу-Данченко говорили, что характерен такой диалог между медицинским работником и раненым после боя: «– Деньги есть? – Нет. – Ну и лежи!» [22, 218] Масштабы мародерства и среди мирного населения были довольно велики. Штабс-капитан Н. П. Мамонтов рассказывает, что, когда он с группой русских корреспондентов проезжал по местам недавних боев, местные жители приходили с лопатами и мотыгами. Выкапывая из грязи все нужное, вплоть до трупов, раздевали их и тут же выстирывали и сушили одежды и шинели погибших [19, 128].

Деловитость болгар представлялась журналистам и в ином свете. «Он (болгарин. – Н. Г.) не привык думать о другом как о личности, интересоваться другим ради этого же другого. Выходит человек из строя – и он уже не нужен. Перестает человек, хотя бы на время, быть объектом практического интереса – и он сразу исчезает из поля зрения. Практическая полезность – вот мерило, с которым болгарин привык подходить

к явлениям жизни» [5, 173], – писал социалист С. Вольский (настоящее имя – А. В. Соколов). Просербски настроенный журналист, незадолго до этого вышедший на пенсию, генерал-лейтенант Е. Мартынов считал: «Болгары – смесь монгол-завоевателей с покоренными славянскими племенами, отличаются, наоборот (в отличие от сербов. – *Н. Г.*), холодной расчетливостью, корыстолюбием, заносчивостью» [20, 80].

Надо отметить, что, как выразился современник, будущий советский академик Н. С. Державин, «странная, ничем не объяснимая и непонятная тенденция приписывать нынешним болгарам монгольское происхождение» [12, 112] в тот момент активно использовалась сторонниками Белграда. Но рассмотрение информационного противостояния Сербии и Болгарии не входит в задачу статьи [8].

И к войне болгарин отнесся с присущим ему трудолюбием. «Эта глубоко укорененная в душе болгарина потребность трудиться заставляет солдата смотреть на самую войну как на некую форму труда – поистине жестокого, смертельно опасного и нечеловеческого, но все же форму труда» [6, 128], – утверждает болгарский историк С. Елдаров.

К этому труду болгарин отнесся жертвенно и целеустремленно. «Голодные, холодные, в грязи, совсем из сил выбились», – жаловался солдат тогда корреспонденту «Киевской мысли» Л. Д. Троцкому [27, 183]. Е. Н. Чириков в Лозенграде (ныне – Кырларели) слышал от солдат: «Мы давно уже ничего, кроме воды и хлеба, не знаем. <...> И больше нам ничего не нужно». И лишь к предложению папирос они отнеслись менее равнодушно. «В глазах их сверкает удовольствие: давно уже не курили настоящих папирос», – отметил в книге писатель [30, 77]. Н. П. Мамонтов восхищался терпеливостью болгарского солдата: «Я видел его неоднократно безропотно умирающим на позиции или в полевом госпитале, молчаливо переносящим адскую пытку перевозки на тряских телегах по грязным, изрытым колеями проселкам или терпеливо бредущим с раздробленной ногой целых четыре версты до перевязочного пункта» [19, 72].

Другой офицер, в тот момент бывший корреспондентом на Балканах, Н. Гасфельд наблюдал раненных артиллерийским и ружейным огнем в голову и грудь, контуженых, которые рвались обратно в бой, на линию огня [31, 31]. Солдаты возмущались, что их выносят с поля боя: «Почему меня несут на носилках? Я и так дойду.

Стоит ли ради меня двух человек вызывать из строя?» [19, 72] Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными [31, 31]. А. А. Пиленко объяснял это ответственным отношением к воинскому долгу: «Тот, кто заболел, – почти что подлец, потому что он не может исполнять своего служебного воинского долга. Тот, кто ранен, – вернее всего недогадливый вахлак, иначе он бы устроился так, чтобы не попасть под турецкую пулю» [23, 198]. Соглашались с этим и получившие увечья, говоря Вас. И. Немировичу-Данченко: «Так надо, войны мы все хотели. Там, где есть победы, неизбежны и жертвы» [22, 210].

Этой войны они действительно хотели, что проявилось при мобилизации. «Запасные стекались на призывные участки, как на свадьбу» [11, 464–465], – писал один автор. Другой журналист вторил ему: «Народ пошел на войну, как на свадьбу, с песнями, шутками, веселыми возгласами и прибаутками» [14, 14].

Болгары преобразились. Война – один из переломных моментов в жизни любого общества, способных и деформировать его, и возвысить.

Желание болгар биться было столь велико, что те, которым отказывали в приеме в армию по состоянию здоровья, кончали жизнь самоубийством [18, 20]. Подобные случаи отмечали и в сербском войске [19, 23].

Не только мужчин охватило воодушевление. Корреспонденты слышали от женщин слова: «Возьму и я пушку. <...> Моя бабка с турками дралась, а я нисколько ее не хуже» [21, 15]. Как метко выразился Л. Д. Троцкий, «здесь мобилизованная армия есть действительно народ» [27, 143].

Миролюбие пропало, налет цивилизованности дуло ветром войны, обнажились средневековая жестокость и первобытная кровожадность по отношению к врагу. Болгарский фельдшер рассказывал русскому журналисту про своего коллегу, как тот после боя отправлялся с хирургическим скальпелем «и с наслаждением, не торопясь, прирезывал одного раненого за другим». А возвратившись, рассказывал: «Сегодня восемь душ зарезал» [27, 263]. К. В. Чинтулов, бывший добровольцем в болгарском войске, также писал, что к оставшимся на поле боя раненым туркам никакого снисхождения не проявлялось, в ход пускались ружья. «Милости у победителя было, по правде сказать, маловато!» – восклицал он в «Военном журнале» [29, 138].

Сообщали русские корреспонденты и о зверствах против турок, и об отрезанных у сербов ушах во время Второй Балканской войны [9, 113–114]. Сербский полковник рассказывал секретарю Русской миссии в Белграде, что «болгары во время первоначального своего успеха приканчивали раненых сербов и уродовали их трупы, положенные в ряд, самым невероятным и зверским образом» [32, 432]. По мнению Л. Д. Троцкого, болгары потому и не пускали иностранных врачей и корреспондентов на линию фронта, что «там было много такого, что приходилось скрывать от чужих глаз» [27, 198].

Почему же произошло такое изменение с болгарскими нравами?

Советский историк В. А. Жебокрицкий утверждал, что народом двигало желание освободить собрата-крестьянина от феодалов, и это использовали «националистические, шовинистические партии для пропаганды войны» [15, 203–204]. Современный исследователь Р. П. Гришина считает, что причина в том, что «болгарин пробуждается, только если затронут его интерес» [6, 128]. Современникам виделись следующие мотивы.

Первый – месть.

«Страшна <...> месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения», – записал Н. П. Мамонтов [19, 66]. «Ненависть к “турчину”, целыми столетиями копившаяся, целыми столетиями поддерживаемая, вспыхнула таким ярким пламенем, что в ней без остатка сгорели торжественно-красивые настроения первых дней войны», – считал социалист С. Вольский. Далее он утверждал: «Традиции быта и воспитывавшаяся в школе и семье ненависть к турку сделали свое дело: алчность хозяйственного мужичка и жажда мести слились воедино, сняли слабый культурный налет и превратили человека в разнузданного зверя». В этой же статье дается и хлесткое определение происшедшего: «Это было оргией неуправляемой в своей жестокости мести» [5, 168].

Е. Н. Чириков был склонен видеть именно этот мотив. Ему сами болгары рассказывали: «Ведь помимо исторической вражды, успевшей всосаться в плоть и кровь с материнским молоком, наши дети со школьной скамьи в течение долгих лет уже воспитывались на мечте об окончательном счете с вековечным врагом, а в нашей солдатской памятке на первом месте значится: Кто твой первый враг? – Турок!» [30, 59] Писателю казалось, что «новые песни все – воинствен-

но-патриотического характера, звучат бодро, призывно и полны надежд на последнюю месть туркам, ныне наступившую» [30, 93]. В своей книге он взялся объяснить негуманные взаимоотношения противников и союзников следующим образом: «Объяснения этой обоюдной жестокости в глубине исторического процесса, в дикости, жестокости и религиозном фанатизме недавнего господина, с одной стороны, и в долго скапливавшейся и прорвавшейся наконец мстительной энергии бывшего раба, который сам захотел быть господином и склонен проявлять это тою же монетой» [30, 140]. Вас. И. Немирович-Данченко этот мотив поведения выразил так: «Народ не только не умеет, он не может прощать» [22, 108].

Поддерживаемое со стороны государства чувство ненависти к туркам привело к такому желанию убивать. Современник событий, американский социолог У. Липпман писал: «Постепенно импульс убивать становится основным, а все качества, которые могли бы его модифицировать, исчезают. Этот импульс становится главным, ему придается ореол святости. Так, постепенно он становится неуправляемым и находит выход не только в идее врага, но также направляется на людей и объекты, которые традиционно являлись объектом ненависти. Ненависть по отношению к врагу законна» [18, 181].

Второй мотив – великая идея.

Журнал «Заветы» сообщал своему читателю, что за время, прошедшее с освобождения страны, болгарин изменился мало. За одним исключением: «Он успел проникнуться национальной идеей. Он идет умирать не задумываясь, он отдает в жертву “Великой Болгарии” себя и своих детей» [5, 173].

Н. С. Державин в просветительской брошюре времен Балканских войн выразил свою точку зрения: «Идея культурно-национально-политического объединения болгарского народа – вот та идея, которой Болгария обязана своим возрождением, своею политической свободой, успехами культурного развития, своими, наконец, блестящими победами» [12, 8].

В Сербии каждый солдат из крестьян знал, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: «Здравствуй, маленький мститель за Косово» [3, 101]. В Болгарии же «каждый ученик знал о страшной неправде, совершенной в Берлине в 1878 г.», и обучение в армии штыковому бою происходило на чучелах в турецкой униформе [13, 27].

Известно, что главной частью Великой, Сан-Стефанской, Болгарии, «священной короны» болгарского патриотизма [7], была Македония. В госпитале раненые болгары говорили Л. Д. Троцкому: «Даст Бог, жив и здоров буду, опять пойду турок бить. Довольно им смердеть в Македонии» [27, 183]. Служившие в македонском ополчении старики высказывались в том духе, что, несмотря на их собственную смерть, «детям будет хорошо жить, когда не будет турок» [27, 93]. В. С. Везенков в Софии встретил газетчика, ему заявившего: «Довольно работал на себя! Теперь поработаю для наших македонских братьев!.. Наконец-то пришел и этот день!» [1, 95]

Русские журналисты отмечали значимость темы «Великой Болгарии» и в болгарском искусстве. В. Виктор-Топоров видел основу успеха театральных постановок у публики в «воинствующем национализме и в связи с этим идеализации туманных дебрей болгарской истории» [2, 3]. Он же в журнале «Русская мысль» говорил о полумистическом отношении болгар к Македонии и выразил свое впечатление от «нрава» болгарина: «Тот может оставаться равнодушным, слушая, как при нем говорят о вопросах мирового значения. <...> Но стоит напомнить ему о том, что происходит за южной границей Болгарского государства <...> стоит намекнуть на Македонию, на Царьград, напомнить длинные века византийского и турецкого рабства, – и самый хладнокровный болгарин проявит свою горячность, свой во всех других случаях жизни глубоко скрытый темперамент» [2, 4].

Перед началом боевых действий о незавершенности дела Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заговорила болгарская пресса, что соответствует одной из предложенных социологом Д. Цаллером аксиом общественного мнения – аксиоме доступности (accessibility axiom): «Чем ближе по времени данное представление было актуализовано, обсуждалось или обдумывалось, тем меньше времени требуется для актуализации этого и аналогичных представлений в памяти, в сознании» [28, 101].

В самом конце июля 1912 г. газета «Мир» сообщала о визитах деятелей русской культуры в места боев за Плевну, приводя их записи в журнале посещений. Цель этих сообщений вполне очевидна. Заметим, что даны даты этих визитов: 6, 9 и 13 июня, т. е. за полтора-два месяца до публикаций. Объяснить эту задержку можно тем, что момент стал подходящим, а «Мир» являлся печатным органом правящей партии. Помимо

этого, сообщалось о выборе места строительства русской церкви на Шипкинском перевале, а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу публикуются воспоминания о юбилейных торжествах в 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново. Подчеркнем, что выходят эти номера спустя 10 лет (!) после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был решен. За два дня до манифеста царя Фердинанда о начале войны «Мир» напечатал стихотворение И. Гроздева, написанное к параду 9 августа (опять-таки постфактум) о знаменитом Самарском знамени:

С тобою победила Русь святая,
Свободными ты делаешь детей рабов,
Когда над Пирином ты воссияешь?

Освобождение страны в исторической памяти болгарского народа было тесно связано с конкретным русским императором. Накануне начала Балканской войны не единожды в различных уголках Болгарии, ее гражданами в России были отслужены молебны за упокой души Александра II. О продолжении его дела заявлялось и в упомянутом царском манифесте [10, 171–172].

Происходила актуализация символа – Сан-Стефанской Болгарии. Как утверждает У. Липпман, «символ мобилизует массу и демобилизует личность. Он является инструментом, с помощью которого за короткое время масса выходит из состояния инерции – инерции нерешимости или инерции опрометчивого действия» [18, 232]. Т. е. при помощи этого символа болгарина «разбудили». Во многом этот символ является историческим мифом, поскольку Сан-Стефанской Болгарии в реальности никогда не существовало. Однако она была одним из столпов всей болгарской исторической мифологии, оказывавшей значительное влияние на жизнь этого во многом традиционного общества. Как утверждают авторы сборника «Россия и Запад», «мифологический тип сознания всегда играл значительную роль в истории. Массовые движения самого разного типа и политической ориентации искали, сознательно или бессознательно, и находили себе опору именно в этих свойствах массового сознания. С особой отчетливостью это проявилось в политической истории XX в.» [24, 3].

Понятно в связи с этим и охватившее после обеих войн уныние, и именование Второй Балканской войны «первой национальной катастрофой». Н. С. Державин писал: «Болгария, счастли-

вая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силою сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишеною всего, что в течение целого столетия было для нее наиболее дорогим в ее жизни» [12, 8–9].

По этой причине и покажется журналисту В. В. Водовозову, что «вся Болгария дышит мыслью о реванше» [4, 313], а царь Фердинанд в манифесте о демобилизации скажет, что знамена сворачиваются до лучших времен. Через два года реванш наступит, но приведет он ко «второй национальной катастрофе».

Таким образом, корреспонденты русских изданий, посетившие во время Балканских войн Болгарию, увидели серьезную метаморфозу, произошедшую с ее населением. Причинами ожесточения нравов и милитаризации они виде-

ли как месть турку (некоторому собирательному образу), вымещавшуюся на реальных людях, так и желание достичь «национального идеала» – в первую очередь добиться освобождения (*ergo* – присоединения) Македонии. Но эта территория входила не только в состав Сан-Стефанской Болгарии, но и «Начертания» Гараганина – сербской внешнеполитической программы-максимум, и Мегали Идеи – идеи Великой Греции. Приложенные усилия не привели к достижению желаемого. В. В. Водовозову встреченный им в Болгарии старик объяснил причину разрушительных междоусобных столкновений на полуострове:

– Гегемония виновата.

– Кто?

– Балканская гегемония, вот кто [3, 318].

Библиография:

1. Везенков В. Македония и причины Балканской войны. М., б. д. 113 с.
2. Виктор-Топоров В. Драма молодой Болгарии // Русская мысль. 1913. № 5. С. 3–18.
3. Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО-Университет, 2012. 440 с.
4. Водовозов В. В. На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 307–322.
5. Вольский С. Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 165–175.
6. Гришина Р. П., Шемякин А. Л. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132.
7. Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 258 с.
8. Гусев Н. Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 82–85.
9. Гусев Н. С. Болгарский солдат в Балканских войнах глазами русских // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: Проблемы прошлого и настоящего. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: КубГУ, 2011. С. 110–116.
10. Гусев Н. С. Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Дриновский збірник. Т. VI. Харьков–София: Академічно-видавниче видавство «Професор Марин Дринов», 2013. С. 170–179.
11. Гусев Н. С. Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: В поисках идентичности. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 458–469.
12. Державин Н. С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. 202 с.
13. Димитров Б. Истинската история на Балканската война. София: «168 часа» ЕООД, 2007. 87 с.
14. Дорошкевич А. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб.: Березовский, 1913. 125 с.
15. Жебокрцкий В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев: Издательство Киевского университета, 1960. 251 с.
16. Карпов С. Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914. 54 с.
17. Лескин М. В. Изображение «другого» в российской науке второй половины XIX в. // Человек на Балканах глазами русских. СПб.: Алтейя, 2011. С. 113–147.
18. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
19. Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М.: Типография товарищества Мамонтова, 1913. 175 с.
20. Мартынов Е. И. Сербия в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. 198 с.
21. Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. Т. XIV. СПб.: Типография Акционерного Общества «Самообразование», 1913. 261 с.
22. Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. Т. XV. СПб.: Типография Акционерного Общества «Самообразование», 1913. 270 с.
23. Пилленко А. А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб.: Издание газеты «Вечернее время», 1913. 219 с.
24. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М.: Институт российской истории РАН, 1998. 335 с.
25. Струве П. Б. Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 10. С. 156–159.

26. Табурно И. П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб.: Новое время, 1913. 144 с.
27. Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 6. М.–Л.: 1-я образцовая типография Государственного издательства, 1926. 503 с.
28. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 559 с.
29. Чинтулов К. Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 8. С. 131–142.
30. Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М.: Московское книгоиздательство, 1913. 147 с.
31. Шевалье Н. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб.: Типолитография «Якорь», 1913. 103 с.
32. Штрандман В. Н. Балканские воспоминания // Русские о Сербии и сербах. Т. 2. М.: Индрик, 2014. 632 с.
33. Leerssen J. Imagology: History and method // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf> (дата обращения: 25.11.2014).

References (transliterated):

1. Vezenkov V. Makedoniya i prichiny Balkanskoi voyny. M., b. d. 113 s.
2. Viktorov-Toporov V. Drama molodoi Bolgarii // Russkaya mysl'. 1913. № 5. S. 3–18.
3. Vishnyakov Ya. V. Voennyi faktor i gosudarstvennoe razvitiye Serbii nachala KhKh veka. M.: MGIMO-Universitet, 2012. 440 s.
4. Vodovozov V. V. Na Balkanakh // Sovremennik. 1913. № 8. S. 307–322.
5. Vol'skii S. Pis'ma s Balkan. Pis'mo vtoroe // Zavety. 1913. № 2. S. 165–175.
6. Grishina R. P., Shemyakin A. L. Sud'ba «balkanskikh soyuznikov» 1912–1913 godov. Vzglyad iz XXI stoletiya // Novaya i noveishaya istoriya. 2013. № 4. S. 115–132.
7. Grishina R. P. Liki modernizatsii v Bolgarii v kontse XIX – nachale KhKh veka (beg trustsoi po peresechennoi mestnosti). M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2008. 258 s.
8. Gusev N. Russkii «front» bor'by za Makedoniyu // Rodina. 2014. № 6. S. 82–85.
9. Gusev N. S. Bolgarskii soldat v Balkanskikh voynakh glazami russkikh // Natsional'naya identichnost' i natsionalizm u slavyan i ikh sosedei: Problemy proshlogo i nastoyashchego. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar: KubGU, 2011. S. 110–116.
10. Gusev N. S. Obraz Rossii i russkikh v soznanii bolgar v period Balkanskikh voyn 1912–1913 gg. // Drinovskii zbirnik. T. VI. Khar'kov–Sofiya: Akademichno izdatelstvo «Profesor Marin Drinov», 2013. S. 170–179.
11. Gusev N. S. Tema slavyanskogo edinstva v russkoi periodicheskoi pechati vo vremya Balkanskikh voyn 1912–1913 godov // Istoriki-slavyisty MGU: Kn. 8: Slavyanskii mir: V poiskakh identichnosti. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2011. S. 458–469.
12. Derzhavin N. S. Bolgaro-serbskie vzaimootnosheniya i makedonskii vopros. SPb., 1914. 202 s.
13. Dimitrov B. Istinskata istoriya na Balkanskata vojna. Sofiya: «168 chasa» EOOD, 2007. 87 s.
14. Doroshkevich A. Voina na Balkanskom poluostrove (Ot otkrytiya voennykh deistvii do peremiriya). SPb.: Berezovskii, 1913. 125 s.
15. Zhebokritskii V. A. Bolgariya nakanune Balkanskikh voyn 1912–1913 gg. Kiev: Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 1960. 251 s.
16. Karpov S. Bolgariya i poslednie Balkanskie voyny. Yaroslavl', 1914. 54 s.
17. Leskinen M. V. Izobrazhenie «drugogo» v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v. // Chelovek na Balkanakh glazami russkikh. SPb.: Aleteiya, 2011. S. 113–147.
18. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
19. Mamontov N. P. S bolgarskimi voiskami ot Balkan do Chataldzhii. M.: Tipografiya tovarishchestva Mamontova, 1913. 175 s.
20. Martynov E. I. Serby v voine s tsarem Ferdinandom. Zаметки ochevidtsa. M., 1913. 198 s.
21. Nemirovich-Danchenko Vas. I. Sobranie sochinenii. T. XIV. SPb.: Tipolitografiya Aktsionernogo Obshchestva «Samoobrazovanie», 1913. 261 s.
22. Nemirovich-Danchenko Vas. I. Sobranie sochinenii. T. XV. SPb.: Tipolitografiya Aktsionernogo Obshchestva «Samoobrazovanie», 1913. 270 s.
23. Pilenko A. A. Okolo Bolgarskoi voyny. Dnevnik i sorok devyat' lyubitel'skikh fotografii. SPb.: Izdanie gazety «Veчерnee vremya», 1913. 219 s.
24. Rossiya i Zapad. Formirovanie vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny KhKh veka. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1998. 335 s.
25. Struve P. B. Balkanskii krizis i istoricheskie zadachi Rossii // Russkaya mysl'. 1912. № 10. S. 156–159.
26. Taburno I. P. O serbskikh bitvakh (vpechatleniya ochevidtsa voyny serbov s turkami 1912 g.). SPb.: Novoe vremya, 1913. 144 s.
27. Trotskii L. D. Sochineniya. T. 6. М.–Л.: 1-ya obraztsovaya tipografiya Gosudarstvennogo izdatel'stva, 1926. 503 s.
28. Tsaller Dzh. Proiskhozhdenie i priroda obshchestvennogo mneniya. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 559 s.
29. Chintulov K. Vospominaniya dobrovol'tsa // Voennyi sbornik. 1913. № 8. S. 131–142.
30. Chirikov E. N. Pоеzdka na Balkany. Zаметки voennogo korrespondenta. M.: Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1913. 147 s.
31. Sheval'e N. Pravda o voine na Balkanakh. Zapiski voennogo korrespondenta. SPb.: Tipolitografiya «Yakor'», 1913. 103 s.
32. Shtrandman V. N. Balkanskie vospominaniya // Russkie o Serbii i serbakh. T. 2. М.: Indrik, 2014. 632 s.
33. Leerssen J. Imagology: History and method // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf> (data obrashcheniya: 25.11.2014).